

СМИ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

СМИ Вопросы морали и этики в средствах массовой информации

СМИ.17 А Вы боитесь за будущее русского языка?

СМИ.17

(количество частей – 1, число страниц - 12)

24 мая, в день, когда Церковь вспоминает святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, вся страна отмечает День славянской письменности и культуры. А что сегодня происходит с русским языком? Какие опасности угрожают ему сейчас, а какие возможные в будущем? Комментируют специалисты.

Скрепа, без которой все распадется

Людмила Сараскина, литературовед, критик

(фото Юлии Маковечук)

Конечно, я боюсь за будущее русского языка. Вопиющая безграмотность проникла уже и в центральную прессу, в журналистскую среду. В газетах, журналах, на радио и на телевидении режут глаз и слух такие ошибки, за которые прежде ставили двойки в 4 — 5 классах средней школы. Такое впечатление, будто корректоры и редакторы массово прекратили свое существование.

Безграмотность стала не только терпима, но и простительна, симпатична, обаятельна. В Интернете процветает иронический «олбанский» язык, все эти «ржунимагу», «убейсяапстенку», но иные пользователи (школьники, студенты) полагают, что «давай ни сорица» — это правильно. Русский язык как школьный предмет заброшен, система ЕГЭ освобождает учеников от сочинений и прочих письменных работ, и они теряют навыки письма.

Я уже не говорю об устной речи, зачастую безобразной, корявой, отрывистой, невыразительной, с бесконечными «как бы», «типа» и «по-любому». Кажется, культуре речи вообще никто никого уже не учит. Что мы хотим от мигрантов,

если сами гробим свой родной язык? Пока мы сами не научимся уважать великое достояние — свою речь, письменную и устную — никто извне не придет и нас этому не научит и учиться нашему языку не захочет.

Сейчас модно говорить о «скрепах»... Русский язык — это главная скрепа России, без которой все ее огромное пространство очень скоро может распасться на рваные куски.

Мое чувство родного языка постоянно бывает оскорбляемо публичными ляпами в речах публичных фигур, и, я уверена, это не менее значимое чувство, чем чувство религиозное.

Страшны не заимствования, а забвение текстов классики

Александр Кравецкий, кандидат филологических наук старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Фото Анны Гальпериной)

На такой вопрос отвечать сложно, поскольку язык — явление живое. Поэтому современникам обычно не понятно, что способствует его разрушению, а что — развитию. Уже не раз столицы вдруг наполнялись носителями диалектов, так что казалось, что литературной норме грозит опасность. А, например, в Петровскую эпоху, когда в язык вошло огромное количество заимствований, — это вызывало у тогдашних ревнителей словесности чувство ужаса. В итоге — 90% из этого потока заимствований ушло, а оставшиеся 10% стали частью русского языка.

То же самое было в двадцатые годы двадцатого века, затем — в девяностые. Поэтому говорить об опасностях для языка, связанных с наплывом большого количества людей, плохо владеющих языком, или же с появлением модных заимствований, мне не кажется правомерным.

Что действительно пугает, так это стремительное забвение текстов русской классики, которая играет роль эталона, на который мы подсознательно ориентируемся. Когда-то такую цементирующую функцию выполняла Псалтырь, затем — тексты русской классической литературы, которые дети, пусть иногда и из-под палки, но осваивали. Это придавало языку устойчивость.

Любые заимствования, любые изменения, пусть резкие, пусть на грани пародии, как в интернет-языке — это все может идти во благо при сохранении культурной преемственности. Но сейчас возникает ситуация, когда знакомство с классикой ограничивается экранизациями и пересказами для готовящихся в ЕГЭ. Количество текстов, которые люди помнят, стремительно сокращается.

Мне кажется, есть некая критическая точка, после которой забывание текстов, цитат приведет к необратимым языковым процессам. Слишком быстрая скорость изменения цитатного фонда и, соответственно, забывание некоего общего корпуса текстов, — все это мне кажется миной замедленного действия. Что конкретно в результате произойдет — я не знаю, но подозреваю, что ничего хорошего не произойдет.

Расцвета русского новояза начала XXI века

Михаил Горбаневский, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)

Мудрость русского народа, исконно трепетно относившегося к Слову, заключена во многих пословицах и поговорках. Не зря говорят: «Что написано пером — не вырубишь топором», «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

Бережное и чуткое обращение со словом вознаграждает неисчерпаемым богатством.

Мне в последние годы не раз доводилось публично высказываться в СМИ по поводу разнообразных проблем общества, связанных с русским языком. Например, о проникновении слов из обихода криминальных элементов в речь первых лиц Российской Федерации.

Или, напомню, о недопустимо слабом и начетническом преподавании русского языка в школе, ориентированном ныне на весьма поверхностные технологии ЕГЭ: школа выпускает в жизнь молодых граждан страны, не только не владеющих основами практической стилистики русской речи, но даже порой не умеющих составлять элементарные деловые письменные тексты, например, написать автобиографию.

Сейчас я заканчиваю книгу «Раб на галерах» (она увидит свет в сентябре—октябре), которая во многом посвящена той реальной опасности для России, переживающей, на мой взгляд, эпоху смуты и медленного, но вполне ощутимого скатывания к неототалитарному обществу, которую представляет иная — глобальная и системная, а потому и более опасная проблема: тенденция расцвета русского новояза начала XXI века.

Но повседневная работа нашей экспертной гильдии убеждает в наличии ещё одной проблемы. В современной России на всех уровнях социальной жизни общества сегодня крепнет понимание, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела. Текст, речевые произведения всё шире используются как *corpus delicti*, так как в них содержатся признаки состава — объективной стороны преступления, совершённого вербально.

Именно результат речевой деятельности — речевое произведение в форме устного высказывания или письменного текста — является основным объектом судебной лингвистической экспертизы и лингвокриминалистического исследования, непосредственно подвергается правовой квалификации для установления факта правонарушения и определения степени его общественной опасности.

Оправданное беспокойство по поводу очевидных и набирающих всё большую остроту проблем (как общих, так и частных) борьбы с экстремизмом (включая

как теорию и практику экспертиз по данной категории дел, так и состояние соответствующего законодательства, действующего на сегодняшний день в России), высказывают представители разных профессий и уже не только в своей узкой профессиональной, но и в средствах массовой информации.

Эксперты ГЛЭДИС всегда искренне надеялись на те здоровые силы российского общества, которые готовы честно и достойно, не преступая, а исполняя Закон, бороться с тем злом, которое мы видим в насилии над родной речью, в превращении отдельных текстов в ядовитую смесь анекдота, примитивного жаргона и непристойных выражений, в превращении отдельных изданий и сайтов в нечистые потоки компромата, в крайне опасное орудие разжигания вражды между народами, религиозными конфессиями и социальными группами. И во многом наши надежды оправдались.

Но сейчас наступил новый этап в истории нашего Отечества: экстремизм и ксенофобия всё чаще проявляются в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах жизнедеятельности страны. Экстремизм превратился в один из основных источников угроз национальным интересам в сфере государственной и общественной безопасности.

Отечественная лингвистика должна — на основе не только профессиональных знаний, но активной гражданской позиции учёных и понимания ими своей ответственности перед обществом — уметь дать должный ответ на этот вызов времени и научиться использовать новые современные методики, которые нуждаются в обсуждении и внедрении в практику, основанной на взаимном уважении и доверии ученых, судей, адвокатов, следователей, правозащитников.

Именно такое интердисциплинарное повышение квалификации лингвокриминалистов авторы проекта ГЛЭДИС «Лингвокриминалистика vs экстремизм: новые задачи в защите общественной безопасности» считают одним из своих важных ориентиров. Ведь сейчас существует много острых и требующих решения методологических проблем правовой, психологической и лингвистической квалификации таких публикаций СМИ, лозунгов, листовок, плакатов, предвыборных программ, печатных политических документов, призывов и диалогов в социальных сетях, на интернет-форумах и в иных сферах киберпространства, в которых правоохранительными и судебными

органами усматриваются элементы ультраправой идеологии, шовинизма, воинствующего национализма, пропаганды насилия, крайние формы религиозной неприязни, оправдание нападений, вандализма и убийств по мотивам этнической и расовой ненависти и т. д.

Мы перестаем отвечать за свою жизнь...

Павел Басинский, писатель, литературовед

В отношении языка, его развития (причем любого языка) мне видится проблема двусторонняя, потому однозначного решения у нее быть не может. С одной стороны язык — саморазвивающееся явление, им управлять невозможно. Он впитывает те слова, удобные людям (в том числе и из других языков), которые в дальнейшем будут использовать эти слова в своей речи.

Можно принять законы против иностранных слов, но это будет консервировать язык, но не даст полноценно ему развиваться. Тем более, русский язык сложился из множества составляющих: в том числе из заимствований из тюркских языков, из англицизмов, из французских слов и так далее. И славянский язык, легший в основу русского языка — тоже же очень разный, неоднородный.

С другой стороны, у нас с языком происходят странные вещи. Мы бездумно пользуемся кальками с иностранных слов, что явно не обогащает язык, а приносит противоположный результат. Примеров здесь можно приводить много. Допустим, слово «секьюрити». Но оно, слава Богу, ушло, и секьюрити вновь превратились в охранников. А вот «киллер» — никуда не ушел, «киллер» — это звучит гордо, даже с ореолом романтизма. А на самом-то деле

киллер — это наемный убийца, наемный душегуб, если более пафосно сказать. Говоришь по-русски — и никакого романтизма.

Или — «вызовы времени», «вызовы современности» — поразительная конструкция, которую используют все наши высокие политики, включая даже президента. Откуда это взялось? Это калька с английского challenge -вызов. Почему вызовы времени, а не требования времени, запросы времени, интересы времени? Почему нас сразу помещают в ситуацию войны, агрессии? Почему мы боремся со временем, которое нам бросает вызов, и нам надо отвечать на него?

Вроде бы — что тут такого, какие-то политические игры с русским языком, но на самом деле подобные языковые кальки создают атмосферу не-русскости, не-мягкости, не-гуманности, нам присущей.

Мы перестаем отвечать за свой язык, за свою жизнь, и все это находит подтверждение в языке.

Удивительную вещь увидел пушкинист [Валентин Непомнящий](#): «Мы и сами не заметили, как слово «трудно» поменялось на слово «сложно». Уже никто не говорит «трудно жить», все говорят — «сложно жить». Первый вариант означает, что своим трудом ты все-таки можешь преодолеть жизненные тяготы, а второй вариант — говорит о пассивной позиции: сложно, не от тебя зависит, ты здесь ничего не сделаешь.

Я бы, не шутя, создал, по крайней мере, рекомендательную комиссию при президенте или при Министерстве культуры, которая провела бы ревизию всех этих калек, засоряющих русский язык, и дала бы рекомендации для учителей, для родителей, чтобы они объясняли детям разницу между «трудно» и «сложно», между «киллер» и «наемный убийца», между «вызов времени» и «требование времени».

Французы охраняют свой язык на государственном уровне: там есть законы против заимствований. Можно сказать, что франкофония — основа идеологии [Франции](#). Нам тоже не нужно бояться защищать свой язык, но степень защиты как раз должны определять специалисты, чтобы, защищая, не подавлять живое развитие языка...

Споры по поводу ТвОрога или ТворОга отвлекают от главного

Владимир Аннушкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С.Пушкина, член Союза писателей России

Язык есть выражение народного духа, состояния интеллекта и образованности, общественного и личного настроения, воли, всех движений души, стиля жизни современного общества. Можно с уверенностью сказать: каковы слова, которые мы слышим и читаем вокруг себя, таков и наш внутренний комфорт, общественно-психологический настрой, занимающий не последнее место в требованиях к благоустройству жизни каждого человека. Одним словом, каков язык, такова и жизнь.

Общественное благополучие, здоровье, благоденствие, все формы жизни связаны с устройством современного языка. Язык — инструмент управления обществом и общественными процессами. Экономический кризис есть проявление кризиса духовного (а не наоборот!). Экономика управляется через культуру и образованность с помощью речи. Если речевые отношения в обществе не отлажены, теряется возможность эффективного управления. Плохим языком хорошую жизнь не построишь.

О языковой норме

Языковую норму невозможно утвердить раз и навсегда. Она исторически изменчива. Установить «чётко» норму не всегда представляется возможным. Как правило, здесь борются правильность и удобство. Общество живет и развивается, преобразуя существующую норму как

сложившийся культурно-стилевой стандарт для того чтобы сделать жизнь более удобной и прекрасной. Однако если ты не знаешь культуры, то преобразование становится уродливым, неэстетичным, антикультурным. Пример — сегодняшние стилевые новации в СМИ, как, впрочем, и сама философия СМИ: тоталитаризм пошлости, безвкусыя, примитивизма заполонил молодежные каналы — и это следствие трудностей, которые испытывают люди, существуя в новых видах коммуникации при создании новых коллегиальных видов речи.

Норму языка нельзя понимать и обсуждать только в узком смысле (дОговор, йогурт, кофе...) ибо тогда мы останемся в пределах мелочных разборок и частных вопросов. Пора ставить вопрос шире: язык — средоточие и выразитель всей народной жизни, ее духа и сегодняшнего состояния.

О сквернословии

Пока мы ломаем копыя по поводу творогОв и договорОв, не лучше ли озаботиться о создании в обществе обстановки нетерпения к скверным словам, в которых правильно ставятся ударения? Не поставить ли преграды на пути к ложным мыслям и толерантной идеологии, допускающей для общества все виды «смертных грехов»? Не озаботиться ли о создании обстановки бодрости и оптимизма в обществе вместо состояний апатии, скептицизма, критицизма, равнодушия, которые творятся ежевечерними художественными телепередачами и всегда выражены в языке, поскольку человек есть существо «словесное»?

Если вы сквернословите, то и жизнь становится скверной

Убогость речи — убогость жизни

Культура предполагает сохранение всего ценного в нравственном, образовательном, эстетическом аспектах нашего бытия, а выражается культура, конечно, знаково, и этот основной знак, конечно, слово. Скажи мне слово — и я скажу, кто ты. Как же у нас сохраняется и передается всё лучшее? Для этого достаточно включить и послушать наше популярное радио (Шансон, Авторadio и даже «Русское радио»). Вы никогда не услышите на «Русском радио» ни русского романса, ни русской народной песни, ни русского стихотворения — только убогость однообразных поздравлений и двадцатки так называемых «хитов», которыми формируется сознание современной молодежи

и взрослого населения России. Спрашивается: можно ли законодательно переломить ситуацию? Кто вас заставляет так примитивизировать жизнь? Почему наши журналисты слышат «дОговор» и «кофе» среднего рода и не слышат, какими убогими мыслями предлагают думать и говорить на молодежных теле- и радиоканалах? НЕ говоря уже об их речи, которая как по количественному составу напоминает речь Элочки-людоедочки, так и по характеру произношения опущена ниже всяких эстетических требований к художественному звучанию.

Нам нарочито хотят сказать: мы такие как в жизни... Никаких высоких идеалов нет. О культуре говорить бесполезно. Мы хотим одного: чтобы нас слушали. Поэтому говорим как хотим, мы — свободные люди...

Разумные запреты

Можно ли говорить о нормализаторской деятельности как правовой, законотворческой? И можно, и нужно! Многие филологи утверждают, что нормировать язык невозможно, что он развивается по своим законам. Эта ложная точка зрения на язык фиксирует нашу пассивность в отношении к изменяющейся жизни. Мы не можем изменить язык как систему, например, в языке останутся всё те же падежи, роды, числа и падежи, но язык как деятельность, как его использование несомненно может быть подвергнут сознательным воздействиям человека и преобразованиям.

Наш Закон «Об языке» несовершенен. Видимо, он должен смело утверждать определенные приоритеты общественной нравственности, защиты патриотических настроений, истинного культурного вкуса как совокупности эстетических ценностей. СМИ будут ставить вопрос: а судьи кто? Вопрос ложен, потому что хочет увести в сторону всё той же толерантности, терпимости к разным «ложным» мнениям и безответственности в речах. Есть ли в пользовании языком нормативно-правовой аспект? Безусловно. Культура предполагает запрет. Если запрещены определенные поступки, то как же не наложить запреты на поступки словесные? Между тем, надо понимать, что именно разумный запрет позволяет максимально развернуть творческую деятельность. Вне запретов общество не живет или живет плохо. Нельзя допустить как слишком много запретов (тогда — тирания), либо допустить вседозволенность (тогда наступает хаос идей, слов и поступков).

Последнее мы наблюдаем в общественной нравственности. Мы говорим о норме литературного языка как о выборе правильного варианта из двух или нескольких существующих. Но существует не только норма языка, есть еще норма мысли, норма словесного выражения, наконец норма поведения, которое, будучи, речевым не должно оскорблять пользователей (слушателей или читателей). Можно ли, соблюдая нормы произношения или орфографии, нарушать нормы словесного поведения в быту и в СМИ?

Подготовила Оксана Головки

Материал взят с сайта «Православие и мир»